

«Очень своевременная книга»

Учебник по истории для 8-го класса всем хорош, если бы авторы его не испортили

Владимир Мединский во время пресс-конференции, посвященной презентации новой линейки единых учебников по истории для 5-9 классов. Фото: Владимир Гердо / ТАСС

11:04, 11 марта 2026,

Алексей Кузнецов

историк

Ленин в художественной литературе ценил пользу. Салтыков-Щедрин и Чернышевский — да, полезны, а Чехов — по ведомству «для барышень». Фразу, вынесенную в заголовок, Ленин произнес по поводу свежеезданного романа «Мать» в 1907 году во время встречи с Горьким на V съезде партии в Лондоне. Вряд ли можно сомневаться, что доживи он до нынешних школьных учебников истории, он также нашел бы их полезными.

«Линейку» учебников авторства Владимира Мединского и Анатолия Торкунова продолжают сопровождать локальные неприятности: то представители репрессированных при Сталине народов обидятся на формулировку: «На основании фактов сотрудничества с оккупантами карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар советские власти в 1943–1944 годах решили ликвидировать государственные образования этих народов в СССР и подвергнуть их коллективному наказанию — насильственному переселению в восточные регионы». Ну, это ничего: извинились, как заведено, переписали. То учителя соберут в увесистый том ошибки, «передергивание», ложно расставленные акценты, методологически сомнительные подходы.

Что касается первого — фактических ошибок немного; те, что есть, — поправят. Методология редко бывает бесспорной; например, д.и.н. Вардан Багдасарян, выступая как эксперт от КПРФ, счел принципиально неверным объединение Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в одну. Этот пока еще непривычный тезис в последние десятилетия стремительно набирает вес в научной и околонучной дискуссии, хотя, разумеется, не нравится тем, кто считает себя марксистами: ведь «по классике» социалистической революции должна предшествовать буржуазно-демократическая. Между тем

вряд ли кому придет в голову разбивать Французскую революцию на буржуазно-демократическую и «якобинскую»; понятно же, что это этапы одного революционного процесса. А вот акценты и передергивания — это святое!

Интересующимся данным предметом, вероятно, памятно, как после создания пресловутой Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в 2009 году остряки предсказывали скорую организацию Комиссии по фальсификации истории в интересах России; теперь мы видим, что в шутке было немало пророческого.

Для вящей беспристрастности редакция «Новой» выбрала для анализа не самую спорную эпоху. Ниже речь пойдет об учебнике отечественной истории для 8-го класса, охватывающем период с 1682 года (воцарение малолетнего Петра и малоумного Ивана) до 1825-го (воцарение решительного Николая с сопутствующими эксцессами на Сенатской и в Василькове на Киевщине). «Не самую спорную» с точки зрения актуальности: восприятию школьниками событий не мешает тень прадедушки, сгинувшего после войны в Печорлаге или высланного мальчишкой в северный Казахстан с Северного Кавказа в феврале 1944-го. Да и в интернете «зарубы» по поводу цены петровских реформ или, скажем, Отечественной войны 1812 года, конечно, случаются, но масштаб и накал не сравнить с таковыми по поводу голода начала 1930-х или первоначального этапа Великой Отечественной; не говоря уже о фигуре Вождя и Учителя (любого).

«Приступая к важному делу, спроси шайтан-машину», —

советуют старики нашего редакционного аула. Так мы и поступили. ИИ, почти не кашляя, выдал оценку: «Учебник Мединского и Торкунова для 8-го класса можно оценить как современное пособие с продуманной структурой и богатым иллюстративным материалом. Однако его идеологическая направленность и подход к трактовке некоторых событий вызывают споры в профессиональной среде и среди пользователей. Для полноценного обучения рекомендуется дополнять его другими источниками и развивать у учащихся критическое мышление». Тихонько поскуливая от восторга по поводу последней фразы, мы принялись за дело.

Что такое «хорошо»

Кремниевый мозг не подвел. Структура и впрямь продумана. В основе своей она продумана давно, и хвала Создателю: революционные новшества школьному пособию редко идут на пользу. Однако некоторые параграфы отличаются уместной новизной; например, § 40 «Государство при армии»: жизнь и служба в императорских войсках в XVIII в.» — информативно и многое дает для общего понимания характера тогдашнего общества. Или § 52 «Либеральные и консервативные тенденции в политике Александра I в 1815–1825 гг.»: прежде метания Александра после возвращения из Европы в школьном учебнике не описывались так дельно и детально. Отдельный бонус — об Аракчееве сказано вполне объективно; и впрямь — сложный был человек граф Алексей Андреич, не одной краской мазанный.

Внутренняя структура параграфов вполне традиционная: деление на подглавки с контрольным вопросом в голову в конце каждой. Внутри — личные характеристики, схемки, иллюстрации; на сладкое — вопросы и задания, отрывки документов. Все «как у людей».

Фото: Агентство «Москва»

Оформление — выше всяких похвал! (на обороте титульного листа мелко указано «Автор концепции художественного оформления учебника: Мединский В. Р.»). Красочно, богато, хорошо согласуется с текстом. Карт могло бы быть побольше; но в конце концов ничто не мешает учителю использовать на уроке дополнительные. Словарь терминов имеется; список важнейших дат — тоже.

Отдельных добрых слов заслуживает текст. Язык не сухой, не казенный: «Шведские солдаты верили в военный гений своего монарха. Правда, это не мешало им иногда ворчать по поводу его мальчишеской бравады или осуждать за упрямство (между собой солдаты называли короля «железной башкой»). Но в глубине души каждый гордился своим королем-солдатом, его готовностью разделять наравне со всеми тяготы и опасности войны» (с. 45). Много встроенных цитат, что работает не только на изложение темы, но и на хотя бы поверхностное знакомство с языком и стилем эпохи. Вот, например, из указа об открытии

Сухопутного шляхетного корпуса: «не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение; того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции, танцованию, музыки и прочих полезных наук» (с. 272). Прелесть же!

По тексту разбросано множество интереснейших сведений, без которых скучно-суконные учебники советской школы — увы! — обходились, сводя историю к заучиванию дат, решений съездов и чеканных формулировок, утвержденных Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС

(идеологический отдел тоже). Например, упоминая об Уставе благочиния 1782 года приводится важная подробность: «Городская территория делилась на кварталы и части во главе с квартальными надзирателями и частными приставами» (с. 156). Хочется надеяться, что теперь наиболее внимательные школьники будут в 10-м классе лучше понимать Салтыкова-Щедрина: «в отдалении реяли квартальные», и «тем более, что в осетре был опознан частный пристав Б.». Или вот: «Особенно врачевателю нравилось рвать зубы. Крепкая рука державного плотника делала это не без ловкости. Свои «трофеи» Петр держал в специальном мешочке и часто ими хвастался» (с. 28). Всего две строчки в учебнике, а какой — если задуматься — ключ к пониманию натуры первого российского императора!

«Блошки» есть, но их минимум, и они вряд ли влияют на восприятие. Например, в шведский плен под Нарвой авторы учебника поместили 18 генералов русской армии (с. 38); на

самом деле их было 10, они все известны поименно. Или вот: «Конечно, мы не имеем возможности упомянуть всех, кто составил славу отечественной культуры XVIII в. Однако без трудов первого русского ученого-естествоиспытателя М. Ломоносова, произведений поэта Г. Державина, писателя и историка Н. Карамзина, архитектора М. Казакова, художника Д. Левицкого и других великих творцов трудно представить расцвет российской науки, образования и культуры, свершившийся уже в XIX столетии» (с. 4). Писатель Карамзин, спору нет, принадлежит преимущественно XVIII столетию; но вот историк Карамзин — всецело столетию XIX. Количество самозванных «Петров III» указано как «более 20» (с. 194), а на самом деле — в два или в два с половиной раза больше. Не страшно; при желании вычищаемо без труда.

К достоинствам текста относится и то, что некоторые устойчивые мифы отечественной историографии разоблачаются; причем даже такие, какие в нынешних условиях могли бы успешно поработать на вечнозеленую концепцию вредоносного влияния всяческой «иностранности».

«Анну Иоанновну позднее упрекали в том, что при ее дворе всем заправляли «немцы». Однако доля иноземцев среди высших чиновников и военных не увеличилась; их жалованье было уменьшено и сравнивалось с получаемым русскими сослуживцами. Не существовало и единой «партии немцев»: иноземцы, укоренившиеся на русской службе со времени царствования Петра I (Остерман, Миних), и выходцы из Прибалтики и немецких княжеств (Менгден, Левенвольде и др.) соперничали между собой так же, как с русскими

вельможами. Верно служили Анне сподвижники Петра I кабинет-министры П. Ягужинский и А. Черкасский, канцлер Г. Головкин, начальник Тайной канцелярии А. Ушаков, архиепископ Феофан Прокопович» (с. 123).

Фото: Агентство «Москва»

Вообще необходимо отметить, что панегириком российской власти учебник не является; многие неприятные для нее факты честно упомянуты (не все, разумеется; но за «всеми» — к Ключевскому). Не скрывается феерическое воровство Меншикова: «Несмотря на все заслуги и таланты, Меншиков был известен как крупнейший взяточник и казнокрад. За это Петр неоднократно избивал своего друга палкой, а в 1724 г. лишил его высших должностей» (с. 42). Упоминается стоимость петровских «затеек»: «По самым приблизительным подсчетам, Великое посольство обошлось российской казне в 10–12% от всего годового бюджета» (с. 27). Не припудривается общекультурный уровень некоторых правителей: «Анна

Иоанновна (1730–1740) любила проделки своих шутов. Другим увлечением государыни была охота. Анна метко палила по птицам и зверям в Петергофском парке или прямо из окон Зимнего дворца, «изволила забавляться» медвежьей и волчьей травлей» (с. 121). Российские войска не всегда победоносны: «Столкновение со шведской армией под Нарвой окончилось сокрушительным поражением. <...> Оказалось, что для того, чтобы одолеть Швецию, мало одеть солдат в короткие кафтаны, а дворянам повязать офицерские шарфы» (с. 38). А ведь можно было бы сказать что-то вроде «потерпели неудачу, имевшую для дальнейшего хода войны большое положительное значение», опыт имеется...

Или вот еще: «Грубые попытки покорения были безуспешны. Военные экспедиции на Чукотку (как гласил сенатский указ 1742 г., чтобы «на оных немирных чюкч военною оружейною рукою наступать, искоренить вовсе, точию которые из них пойдут в подданство») закончились в 1747 г. разгромом русского отряда и гибелью его командира. В результате чукчи, численность которых составляла примерно 10 тыс. человек, еще в середине XIX в. считались «не вполне покоренными» и платили ясак «количеством и качеством, какой сами пожелают» (с. 167) — тут и признание в «грубых попытках» и хищнических планах «искоренить вовсе», и воздание должного свободолюбию чукотского народа.

Если же говорить о недостатках, то их, на наш взгляд, по большому счету всего два. Однако они носят абсолютно системный характер и принципиально неисправимы. Начни их приводить в приемлемый вид — и рухнет вся конструкция.

Слово и дело государево

Во-первых, это всё, что связано с личностью и деятельностью Петра. Авторы текста настолько избыточно петролюбивы, что за них делается чуточку тревожно. Всё, что бы ни свершал младший сын Алексея Михайловича, оказывается и своевременно, и на великую пользу государству, и при его активном участии. Единственная крошечная трещинка на сияющем лице иконы, которая нами была замечена, касается «утра стрелецкой казни»: «Петр, участвовавший в казнях, ходил в эти дни весь издерганный, неуравновешенный, пугая подданных приступами необузданного гнева». В остальном — идеал государя и человека.

На протяжении без малого сотни страниц последовательно и многословно продавливается мысль: он все делал для благополучия государства. За строками учебника настолько явственно встает образ «раба на галерах», что когда приходишь до описания действия русских галер под командованием Петра и адмирала Апраксина в бою при Гангуте (с. 55), трудно удержаться от усмешки. Судите сами: «И главное — Петр формировался как «государственный человек», все помыслы которого направлены на служение Отечеству. В пользу Петра говорит то, что он сумел осознать стоявшие перед страной задачи и последовательно боролся за их достижение» (с. 21); «Царь стал исчислять свою службу «с первого Азовского похода бомбардиром». «В его сознании прочно укрепилось представление о долге монарха — служить Отечеству и быть примером для подданных» (с. 24); «В случившемся виноват сам Карл XII. Он не мог жить без бравады и подставил себя без нужды под выстрелы в канун решающей битвы. В отличие от него Петр I всегда помнил о своем долге и ответственности перед Отечеством. Карл тоже был человеком долга, только понимал его на свой манер: он служил и заботился о собственной славе» (с. 48); «Несколько десятилетий спустя это

пристрастие царя к труду станет даже модным среди некоторых европейских монархов. Вот только для них труд так и останется забавой, тогда как для царя Петра он был потребностью» (с. 20) — тут прямо просится задание: «Разработайте методику различения забавы и потребности и на ее примере сравните Петра с другим известным монархом XVIII в. — Фридрихом II Великим».

Петр I. Источник: Википедия

«Главные черты его личности — целеустремленность и сила воли, главная цель — процветание Отечества. «За мое Отечество и люди живота своего не жалели, и я не жалею», — эти слова были произнесены им в канун Полтавы, и в них не было ни рисовки, ни лжи» (с. 103); «Во время его пребывания во Франции хозяева находились в полном смятении: царь, восторгаясь роскошью Версаля, предпочитал жить в скромных «служебных

помещениях» (с. 104). Последняя «красочка», однако ж, выглядит несколько неполной из-за того, что скромен в гостях царь бывал избирательно.

Во время Великого посольства в 1698 году царь со свитой проживал в усадьбе Sayes Court в Дептфорде, которую по просьбе принимавшей стороны посольству предоставил адмирал Джон Бенбоу. По окончании royal visit ему пришлось обратиться в казначейство с требованием о возмещении убытков. Присланный для проверки архитектор Кристофер Рен подтвердил, что большая часть мебели была уничтожена, и признал дом и сад «полностью разрушенными». Слуги свидетельствовали, что его величество со товарищи так отдыхали: сломали и испортили столы, стулья, кровати, комоды, множество каминных крюков, лопаток, щипцов и других предметов интерьера; испортили отделку — обои, обивку мебели, ковры; повредили 20 картин; в саду катались в бочках, разбили кирпичную стену, уничтожили изгородь из остролиста, которую хозяин усадьбы выращивал 20 лет, вытоптали дорожки, повредили грядки и цветы. Вероятно, Петр, прозревая будущее, уже тогда знал, что главное зло его державе будет происходить от коварных англосаксов.

Образ руководителя, отдающего себя без остатка служению своей стране, не покидает авторов до конца соответствующего периода: «Петр не единожды попадал в штормы, принимал «купания» в ледяной воде, преодолевал знаменитое российское бездорожье, вместе со всеми извлекая из грязи свой застрявший возок. Неудивительно, что у Петра рано возникли проблемы со здоровьем (с. 104–105)». Здоровье первого российского императора, никогда не бывшее особенно крепким, было подорвано много чем, в том числе и пьянством, которому он предавался со свойственной ему во всем, что он делал, страстью; но об этом — ни слова.

Школьные пособия стыдливы, они ведь, помимо прочего, должны ориентировать учащихся на здоровый образ жизни... Этот аргумент можно было бы принять, кабы не упоминалось в учебнике 11-го класса из той же «линейки» в отрывке документа в конце § 11 о пьянстве Хрущева. Про Хрущева, получается, МОЖНО...

(а вот про аналогичное увлечение первого президента России — ни гу-гу, а то может сложиться неверное представление о его важнейшем кадровом решении; а это — сами понимаете).

Особенный восторг авторов вызывает речь Петра перед войсками перед Полтавским сражением, они постоянно обращаются к этому тексту (существующему, надо заметить, в разных вариантах) как к проверенному источнику. Меж тем хорошо известно, что текст этот восходит к сподвижнику императора Феофану Прокоповичу. Тот включил его в «Историю императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно». Прокопович воссоздал «слово» Петра I, опросив очевидцев Полтавской битвы. Этот образованный и деятельный человек отличился во многих областях — законодательной, административной, просветительской. Но вот историком его считать было бы... э-э-э... некоторой натяжкой. Это был вдохновенный пропагандист, и фразу одного из авторов данного учебника «Без идеологической составляющей история — это беллетристика» он мог бы написать еще в первой половине XVIII века, ни на йоту не отступая от своих принципов. Так что с источниковедческой точки зрения не критическое использование этого текста является серьезным

источниковедческим упущением.

Справедливости ради надо сказать, что одно из итоговых заданий по петровскому периоду вроде бы нарушает эту благость. Учащимся предлагается: «Подберите высказывания историков, публицистов, писателей с положительными и отрицательными оценками деятельности Петра I. Как вы считаете, почему одни и те же факты вызывают столь различные оценки? Сформулируйте и обоснуйте собственный взгляд на итоги правления Петра I» (с. 114). Смотрится оно в конце восторженного текста чужеродно. Отнесем к загадкам...

Характеристики Петра выглядят самым настоящим панегириком особенно выпукло на фоне того обстоятельства, что о Екатерине II, сделавшей для укрепления и расширения империи ничуть не меньше, говорится в гораздо более спокойных тонах.

Ее заслуги освещены вполне подробно и уважительно, но впечатление, что «матушка» не могла без думы о России чаю выпить, не складывается. **«Выдающийся**, да и только! И вы вовсе не по заслугам именуетесь почетным святым.

Вы отшельник, подвижник, но не святой. Не святой! Нет!» (Е. Шварц «Обыкновенное чудо»).

«На лицо ужасные, добрые внутри»

Выше мы упоминали о «передергивании». Наш «друг и помощник ИИ» так определяет это явление: «Передернуть в карточной игре — это шулерский прием, обманный маневр с картами, который используют для жульничества. Игрок незаметно заменяет верхнюю карту колоды на следующую

карту так, чтобы соперник не заметил подмены, либо «убирает» верхнюю карту в низ колоды в момент сдачи или вскрытия карты. Цель передергивания — получить преимущество в игре: например, сдать себе нужную карту или лишить соперника выигрышной комбинации».

Важнейшая парадигма, на которой держится не только рецензируемое пособие, но и вся «линейка», — это концепция «хорошей империи». Разумеется, определить Добро можно только в сопоставлении со Злом; так и делается.

Тезис о том, что Российская империя качественно отличается от прочих, вываливается на восьмиклассника прямо во введении: «Новые территории: Финляндия, Царство Польское, Бессарабия, — как и те, что были присоединены ранее, — заметно отличались от колоний западноевропейских держав. Там колонии не включались в состав метрополии, в них действовали особые законы, превращавшие их население в людей «второго сорта», которыми управляли при помощи грубой силы. В Российской же империи новые земли полноценно включались в состав единого государства. (с. 4–5)».

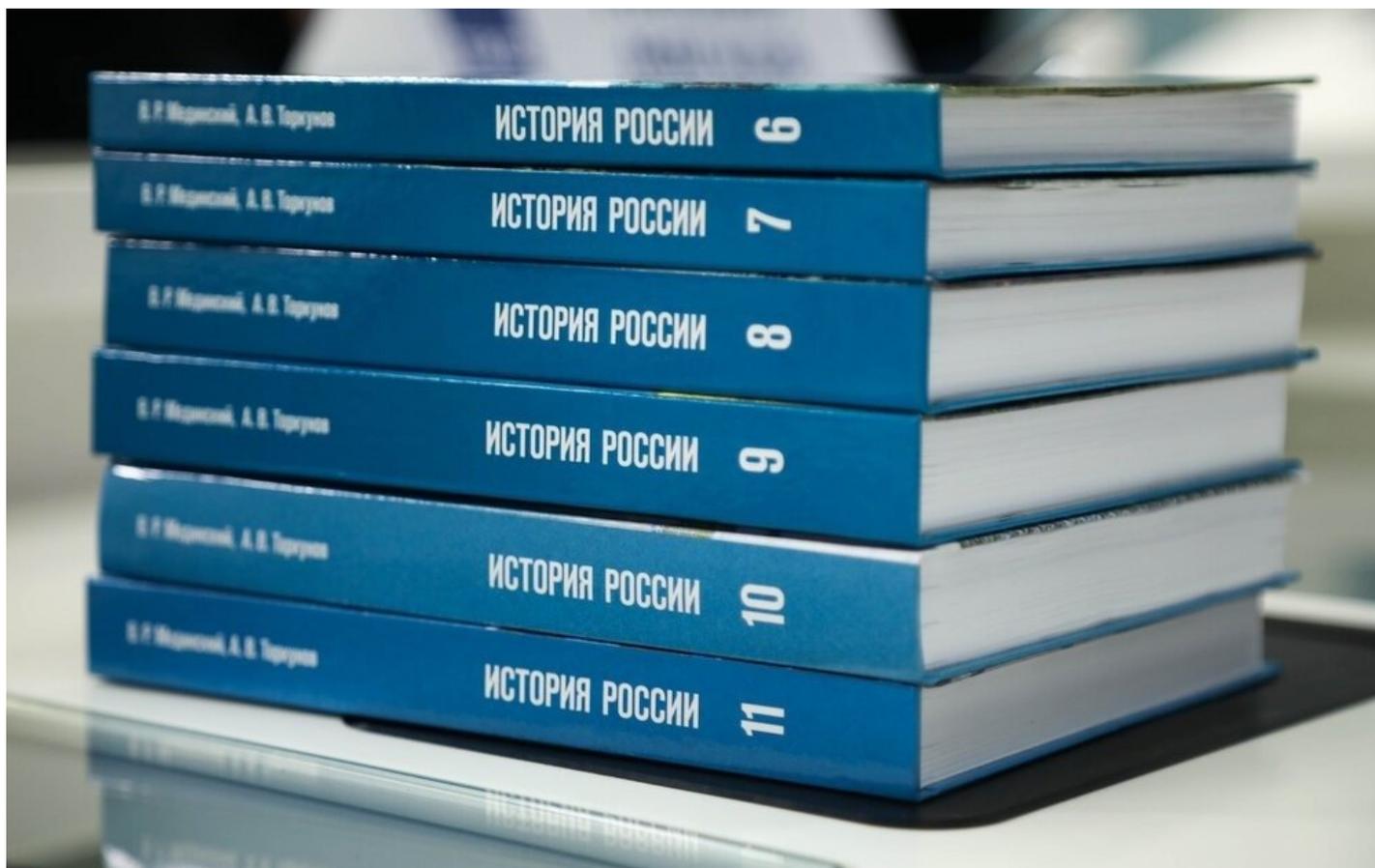

Фото: Агентство «Москва»

Как понять «полноценно включались»? Даже при поверхностном знакомстве с вопросом видно, что национальные окраины империи характеризовались «полноценностью второй свежести». Это видно по особому, отличающемуся от центральных регионов, порядку управления; по ограничениям национально-религиозного характера (черта оседлости — самый вопиющий, но далеко не единственный пример); по порядку проведения реформ в XIX в. (на окраинах и в Сибири не вводилось земское самоуправление, суд присяжных и многое другое прогрессивное, появившееся в России после 1864 г.). Получается, что в «полноценно включались» полноценно включается политика русификации, столь ярко проявившая себя в Западном, Привисленском и Северо-Западном и Юго-Западном краях (нынешние Польша, Литва, Беларусь и Украина). Сюда же отдельным пунктом — насильственная христианизация народов Поволжья и Сибири. Сюда же — ликвидация автономии, превращение местной элиты в чиновничество; это, безусловно, «включение в состав

империи», но что же в нем хорошего?

Насчет «людей второго сорта» у колоний западных держав — правда, но передергиванием является попытка представить, что у нас был сплошь первый сорт. Расскажите это иудеям Российской империи, которых в принципе не допускали на государственную службу, а также мусульманам и полякам (особенно после восстания 1863 г.), допуск которых был обставлен всяческими ограничениями.

Схожим образом обстоит с утверждением, что «там» управляли грубой силой, и подразумеваемым тем самым, что у нас — нет. Методы колонизации и управления колониями различались в деталях (иногда — существенных), но грубая сила всегда была наготове, и Российская империя отнюдь не была исключением. Выше уже упоминался поход на «немирных чюкч», но это лишь один из эпизодов, и сам учебник, надо сказать, многие из них упоминает.

Для иллюстрации тезиса в ход идет, например, такое задание: «Известно, что в ходе освоения Северной Америки численность индейцев к концу XIX в. сократилась, по некоторым подсчетам, с 15 млн до 237 тыс. человек. Сопоставьте эти цифры с данными по изменению численности народов Сибири и дайте сравнительную характеристику освоения Северной Америки и Сибири» (с. 168). Оставим конструкцию «Известно... что по некоторым подсчетам» филологическим гурманам, сосредоточимся на технике передергивания. Насколько мы можем судить, оценка в 15 млн индейцев, проживающих в Северной Америке к моменту появления там европейцев, восходит к данным антрополога Генри Добинса (1925–2009), чьи методики и выводы продолжают вызывать бурную дискуссию в научном сообществе. Остальные специалисты предпочитают значительно более (на порядок) скромные оценки. В любом случае, следите за руками: берется самая верхняя (и очень далекая от средней) оценка индейского населения ВСЕЙ

Северной Америки начала периода, завершается период вполне апробированными данными переписи населения 1900 года по индейцам ТОЛЬКО США, и все это предлагается сравнить с данными из учебника: «В целом отношение как русских переселенцев, так и государства к местным жителям было гуманным — не случайно численность коренных народов Сибири не сократилась, а выросла с примерно 200 тыс. человек в XVII в. до 800 тыс. человек к концу XIX в.». 800 тыс. — достоверно, это перепись 1897 г. А вот откуда берутся 200 тыс. тремя столетиями ранее? А из писцовых книг, которые вели канцелярии воевод, учитывавших поступавший ясак, т.е. дань. Разумеется, они сами по головам не считали, а опирались на показатели, заявленные племенными старшинами. Надо ли говорить, какая тенденция преобладала — приуменьшать или преувеличивать — в ситуации, когда размер ясака зависел от численности податного населения? Карта в низ колоды, карта в рукав, карта из рукава...

Мы не хотим сказать, что белое население британских колоний, а позже США вело себя по отношению к индейцам цивилизованно, отнюдь. Так их потомки теперь и каются, и ругают предков на чем свет стоит. А мы — «хорошая империя», от нас коренному населению лишь свет цивилизации и прирост как на дрожжах.

Или вот еще перл: «В 1740-е гг. в состав Российской империи вошел Средний жуз. Однако это не мешало казахам совершать набеги, угонять пленников в рабство и воевать с другими российскими подданными — башкирами и калмыками» (с. 127). Интересно, как это могло помешать, если взаимные (а никак не односторонние!) набеги башкир, калмыков и казахов друг на друга имели, мягко говоря, долгую историю и были, строго говоря, одной из стратегий существования («набеговая экономика»). На минутку зажмуримся и представим, что заявит устами известного спикера российский МИД, если в казахстанском учебнике появится фраза: «Вхождение Среднего

жуза в состав Российской империи не помешало другим российским подданным — башкирам и калмыкам — совершать набеги и угонять пленников в рабство».

При этом в защите схемы «мягкой колонизации» учебник старается быть «объективным»: «Разумеется, дело было не только в русском национальном характере. Освоение окраин в XVII–XVIII вв. и позже происходило при таком уровне развития российской экономики, который не требовал масштабной эксплуатации природных и людских ресурсов», каково? «Мы и вообще добрые, да еще нам и не надо было». За разговорами о «национальном характере» обычно скрываются национальные или этнические стереотипы; те же, кто принимает стереотипы за реально существующие качества, смело вступают на территорию псевдонауки. Да и вообще с термином «национальный характер» надо бы поосторожнее, он ведь в силу своей широты и гибкости может развернуться в любую сторону...

Вообще, «национальное шапкозакидательство» учебнику свойственно в немалой степени: «Русская регулярная армия вскоре после своего возникновения не уступала в выучке наемным формированиям соседей. А по силе духа она превосходила многих.

Безжалостный штыковой бой не страшил русских солдат, моральный дух которых не шел ни в какое сравнение с сомнительной «стойкостью» наемников» (с. 70). В сравнение не шел, если не сравнивать. А если сравнить... Взять, например, известное сражение при Мальплаке (1709) во время Войны за испанское наследство. В его ходе гессенские и

ганноверские наемники, поддержанные шотландскими хайлендерами, пошли на укрепленные позиции французов, прорвали их и штыковым ударом захватили несколько редутов. Ходили в штыковую вестфальские наемники при Лейтене в 1757-м в ходе Семилетней войны, гессенцы при Гилфорд-Кортхаус во время Войны за независимость США... Да много таких примеров.

Портрет Екатерины II. Иоганн Баптист Лампи-старший, 1780-е годы. Источник: Википедия

В отстаивании Добра в его противостоянии Злу учебник постоянно использует принцип-мем «Это другое!». Оцените красоту анализа известного сюжета: «Екатерина II отправила в Речь Посполитую войска. То же сделала и Пруссия — но вовсе не для защиты польских реформ, как обещала варшавским политикам. Русские полки заняли Варшаву. В 1793 г. Россия и Пруссия осуществили второй раздел Речи Посполитой» (с.

254). Где, спрашивается, задание: «Докажите с опорой на текст учебника и свой социальный опыт, что Екатерина II отправила войска в Речь Посполитую для защиты польских реформ»?

Зло не упускает ни одного шанса, дабы опорочить Добро.

Задание к главе 3: «Противниками России было придумано выражение «потемкинские деревни». Что оно означает?

Используя дополнительные источники информации, подберите данные, свидетельствующие о лживости этого выражения по отношению к событиям освоения Новороссии в конце XVIII в.

Подготовьте сообщение на данную тему» (с. 220). Выполняем.

Автором наиболее радикальной редакции мифа был секретарь саксонского посольства при дворе Екатерины II Георг фон

Гельбиг: именно он обвинял Светлейшего в том, что люди были согнаны в пустынные места для виду, а деревни намалеваны на ширмах. Сам он в путешествии, что характерно, не участвовал.

Гельбиг был известный пустозвон и обожал слухи, это так. Но где же тут «противники России»? Скорее, дело в нравах

«галантного века», обожавшего пикантные анекдоты, кои при всех европейских дворах производились в то время сотнями. Ну давайте считать легенды о Робин Гуде придуманными «врагами Англии» — там ведь тоже шериф Ноттингема так себе выглядит.

Учебник для 8-го класса, повторимся, неплох, а некоторыми сторонами и просто хорош. По нему можно работать, в отличие, скажем, от учебника 11-го класса, который насквозь пропитан теми из мифов общественного сознания, которые удобны с точки зрения сегодняшних внешне- и внутривластных установок российских властных установок. Однако концепции «образцового царя» и «доброй империи» его портят. И могут быть (и будут, разумеется) использованы для порчи подростков.

Быть имперцем в XVIII веке — дело естественное, тогда имперские настроения в

Европе, да и в Новом Свете, доминировали. Другое дело — сегодня растить новых имперцев, исподволь приучая их к мысли, что дело это было хорошее и правильное.

Но, правда, только у нас.

Автор

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Могут повторить](#)

Школьные учебники по истории снова переписут. Сколько зарабатывают их авторы и редакторы на написании и переписывании прошлого

11:18, 5 февраля 2026, Олег Ролдугин

[Нужное зачеркнуть!](#)

Учебники истории в России снова попали в историю

15:12, 16 августа 2025, Олег Ролдугин